

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

“Я ПРИШЛЮ ТЕБЕ ПОМОЩЬ!”

* * *

За домом — поле да тайга,
Дорога да погост в лесочке,
Овражек, тонущий в песочке.
А дальше — влажные луга,
Байкал, крутые берега
Да в море дальних лодок точки...

Я часто, стоя на яру,
Невольно думаю с печалью:
Как разлучусь я с этой далью,
Пусть лишь уеду — не умру, —
Вдруг не увижу поутру
Простор за дымчатой вуалью?

О, торопись, душа, ловить,
Как свет большого листопада,
Свет Родины,
Учись, отрада,
Как надо нам её любить,
Как надо бережно хранить,
Как любоваться ею надо!

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич — известный русский поэт, автор многих книг, выходивших в Москве и сибирских городах. Заслуженный работник культуры России, действительный член Петровской академии наук и искусств, постоянный автор журнала “Наш современник”.

* * *

Мальчик в кубанке спокойно глядит с фотографии.
Это мой дядя, солдат восемнадцати лет.
Время ему и друзьям его так не потрафило:
Школа,
И фронт,
И накрывшийся пламенем след...

Братик последний, любимый,
В речах моей матери
Был он, как Ангел, —
Застенчив, и ласков, и мил.
Боже помилуй,
Не то, чтобы грязных и матерных,
Он даже резкого слова не произносил.

То с малышами каким-то печеньицем делится,
То разнимает лихих забияк, не силён...
Бабка смеялась: “Ты, Сёма, что красная девица”;
Хмурился дед: “Мужиком себя чувствууй, Семён!”

Нет, не сидел он задумчиво на поле клеверном,
Нет, не томился за тихим иль праздным столом.
На лошадях он скакал без седла, как приклеенный,
И по мишеням в десятку стрелял за селом.

А как шинельку надел за казённой оградой,
И к эшелону в колонне его повели,
Он на сестёр оглянуться не счёл своей надобой,
Не захотел помахать им рукой издали.

Мать моя эту оплошку запомнила братову,
Плача, твердила, уже и стара, и слаба:
“Если бы он оглянулся —
Дорогу обратную,
Может быть, Сёме тогда б подарила судьба!”

Я представлял огневую купель сталинградскую,
Мальчика,
В жизнь заглянувшего утром, как в сад,
Чёрные скаты в могилу огромную, братскую...
Вот он шагнул к ней —
И не обернулся назад!

* * *

Матери Евдокии Яковлевне

Смотреть на вымершее поле,
Стоять на брошенной тропе...
Зачем в конце такую долю
Жизнь приготовила тебе?

Ты помнишь серп в руке неслабой,
И голоса, и смех подруг,
И ту усталость, что услодой
Была для сердца и для рук.

На жарком поле среди леса
Колосьев шёпот, птичий щёлк.
Как золотистая завеса —
Широкой нивы царский шёлк.

Катилось солнце за деревья,
Текла небесная зола.
И матерей своих деревня
Дочерним голосом звала.

Тогда закрученное свясло*
Последний связывало сноп.
Тогда к усадебному пряслу
Вела тебя одна из троп.

Но ты, моя родная жница,
Могла ль почувствовать душой,
Что день придёт — твоя земля
Потухшей станет и чужой,

Что суждена такая доля
Судьбой безжалостной тебе:
Смотреть на вымершее поле,
Стоять на брошенной тропе?

* * *

Не знаю, зачем они копят
Свою золотую лузгу,
Коль завтра их в гроб заколотят,
Вруч^ат их глухому леску.

Не знаю, зачем они ставят
Судьбу на бессмысленный кон:
Ведь нами уверенно правит
Один справедливый закон,

Что бедного путь не позорен,
Коль он поделился с людьми
Хотя бы лишь горсточкой зёрен
Святого добра и любви!

* * *

В. Распутину

Ты, в отличие от всяческих бóтал,
От любителей праздных словес,
По-крестьянски, как пахарь, работал
Для наследной земли и небес.

То, что вписано в книгу державы
Неподкупным и тяжким стилем,
Не окажется гнутым и ржавым
Под каким-нибудь сгнившим столом.

* Свясло — жгут из стеблей пшеницы или ржи, которым связывали сноп.

Эти Правды слова ножевые,
Эти счастья скупые слова
Будут жить, как деревья живые,
Как ручьи, как шмели, как трава.

Станут моды и нравы меняться,
Но всегда будет Русь — не избыть! —
По-распутински плакать, смеяться,
Прославлять, проклинать и любить.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЁР

Памяти Александра Вампилова

Я великую реку покину,
Но запомню на долгую жизнь
За поднявшую гребень плотину,
Где великие воды сошлись.

Созывай бесшабашное братство —
Тех, кто на слово скор иль остёр,
Кто мечтал, расставаясь, собраться
На вечерний прощальный костёр!

Что нам пламя живое пророчит
Под луной золотым языком?
Что Венера прекрасная хочет
Пожелать нам на вече таком?

Ты у нас молодой запевала,
Твоим словом, когда ни гроша,
Как вином дорогим, запивала
Грусть и радость хмельная душа.

Ты не будешь угрюмым и старым,
С сединою ангарской волны,
Станешь тополем — тенью гитары,
Или веткою — тенью струны.

Ты оставишь нам звёздную полночь
И для каждого — в чёрной беде —
Свой завет: “Я пришлю тебе помощь!”* —
Как спасательный круг на воде...

* Когда моторка, в которой А. Вампилов плыл с товарищем по Байкалу, перевернулась и качалась на волнах вверх дном, Александр крикнул напарнику, не умевшему плавать: “Держись за лодку! Я пришлю тебе помощь!” Он утонул, едва не достигнув берега, а товарищ был спасён.

ЛЮБИТЬ, УТЕШАТЬ И СТРАДАТЬ...

Говорить о поэте всегда трудно, тем более, если он – твой друг, с которым ты прожил многие-многие годы. Андрей Румянцев близок мне тем, что он глубоко чувствует и понимает сердце человека, пронзительно говорит о времени, о своих страданиях и радостях. А это свойство настоящей поэзии.

Иногда говорят о литераторе: он – писатель такой-то темы. Так узко о поэте не скажешь. Андрей Григорьевич пронзительно пишет об Отечественной войне, об отцах и матерях, которые не сломались под её тяжкой ношей. И с той же страстью, с той же болью он пишет о наших современниках, многим из которых тоже живётся нелегко. Начиная с 60-х годов, А. Румянцев находится на гребне жизни, на гребне русской поэзии. Если нынешний читатель захочет воспроизвести судьбу Отечества, народную судьбу, как она сложилась во второй половине XX века, то ему сто́ит почитать стихи таких поэтов, как Андрей Румянцев.

Я думаю, такая поэзия захватывает читателя, она неожиданно, с новой стороны показывает известное. Так, наверное, будет всегда с подлинно художественными произведениями. Они не требуют, чтобы о них говорили все, с громких трибун. Наоборот, они требуют тишины, да и сами рождаются в сосредоточенной, глубокой тишине. Стихи Андрея Румянцева о военном и послевоенном детстве стали одной из первых ласточек в русской поэзии, когда дети войны с болью и любовью заговорили о своих отцах-солдатах, о матерях-солдатках, о вдовах, то есть о тех, кто вытягивал жилы, не жалел ни крови, ни пота для спасения страны. Эти поэты по-новому взглянули на трагедию войны, более пронзительно, потому что детское сердце переживало страдание тяжелее, чем душа взрослого человека. Тут поэзия осветилась иным, глубинным светом. И этот свет получил протяженность. Тут, может быть, разгадка того, почему поэзия Андрея Румянцева и мудрая, и правдивая, и чистая. Тут всё говорит от жизни, и хочется пережить её заново, понять, узнать о ней больше и из первых рук.

Если говорить о других сторонах творчества Андрея Григорьевича, то это новое поэтическое открытие Сибири, глубинной России. Родина в сердце каждого из нас имеет свой образ. Андрей Румянцев сумел показать её в своих стихах во всей её божественной красоте и во всей её трагической неустроенности. Потрясающее впечатление производят на меня стихи из цикла “У чёрного порога”, посвящённого памяти погибшего в девяностых годах от рук бандитов его сына, талантливого журналиста. Это – большая поэзия. Она выплеснулась из сердца, она не могла не выплеснуться, когда художник пережил такое горе. Но это, конечно, не просто поэтическое свидетельство о страданиях одного человека, на это горе наложилась трагедия тысяч российских семей.

Поэт всегда пишет о сильных переживаниях. Можно говорить о земле, о небе – обо всём внешнем, что человек видит; а можно – о том, как человек воспринимает земную жизнь, небесную даль, о том, что он переживает внутри, в душе. Поэзия управляет чувствами, движениями сердца. Многие поэты писали, например, о Байкале: как он красив и чист, и т. п. Но это – восторги поверхностной души. Есть у А. Румянцева прекрасная, на мой взгляд, поэма “Колодец планеты”. Она действительно блестящая и по мощи стиха, и по накалу чувства, и по мыслям, которые рождает Байкал в душе поэта. Я знаю, у поэмы много добрых ценителей. И знаю, как автор работал над ней. В начале 80-х годов большую общественную силу получило “Байкальское движение”. Не только сибиряки, но и жители других регионов страны возвысили свой голос в защиту Байкала. Мощные выступления за сохранение в чистоте рек, озёр и морей катились по всей стране и даже по сопредельным странам, в них участвовали писатели, учёные, журналисты. Вместе с другими писателями – участниками движения – А. Румянцев бывал на берегах Севана в Армении, Балхаша в Казахстане, в других местах. Написать о родном для него Байкале он считал своим долгом. По признанию поэта, Господь даровал ему два богатства: первое – это Байкал, на берегу которого он родил-

ся и вырос, а второе — это многодетная семья, которая поддерживала его. И “Колодец планеты”, возможно, стал первой поэмой, где с болью и чувством сыновней вины говорилось о надругательстве человека над Байкалом. Мы обязаны были как зеницу ока беречь свое национальное сокровище — “колодец планеты”, а мы равнодушно и преступно отдали его на растерзание дельцам. Разве не разделит каждый из нас чувства автора:

Байкал! У крутого прибора,
У тёмной, потухшей волны
Горька мне вина пред тобою —
Себе не прощаю вины!

Мне б встать перед силой незваной
У этого камня, куста:
“Не троньте колодец, Иваны,
Не помнящие родства!..”

У Андрея Григорьевича немало стихов о матери, о других близких людях, о друзьях. Без них он не представляет себе Родины в широком смысле слова. У всех этих стихов есть одна черта, одно свойство: они предельно искренни и душевны. Как сердечно звучат, например, стихи о Вампилове! В них нет фальши, выдумки. В воспоминаниях некоторых литераторов приходилось читать: мы с ним ездили вместе туда-то, бражничали. И кроме пустого рассказа о случайных встречах и мимолётных беседах в их воспоминаниях ничего нет. Но ведь это Александр Вампилов, уже в молодости проявлявший свой талант! Румянцев посвятил свои стихи и многим другим ровесникам. Я рад, что есть в его книгах поэтические посвящения и мне. Почему я заговорил о таких стихах? Потому что они открывают читателю наше поколение, в них — сложная судьба человека второй половины прошедшего века. А это для читателя будущего — интересная повесть.

Передо мной лежит пятитомник Андрея Румянцева. Собственно, всё, что вошло в него, создавалось на моих глазах. И стихи разных лет, и книги о русских классиках, написанные в последние годы. То, что поэт из нового времени взглянул на сокровища русской литературы и рассказал о них свежо, без зауми иных талмудов и скороговорки учебников, — это похвально. Писатель имеет право сказать о великих предтечах, их великих творениях своё слово. Уверен, что эти книги будут интересны и учителям, и школьникам, и любителям литературы.

Читаю название первой книги пятитомника: “Государыня Жизнь”. Сколько в этом смысла! Жизнь и в самом деле Государыня над нами. Царственной рукой она может обласкать, а может и наказать. Очень хочется, чтобы она дарила поэту больше радостей, больше тепла. Будет душа поэта богаче теплом — дороже и ближе для читателя станут его стихи.

От байкальского края начиналась дорога поэта, и этот край олицетворяет для него большую Родину:

За отцовской избушкой, от прясла,
Отчеркнувшего маленький двор,
Начинается дивный и ясный,
Весь исхоженный мною простор.
.....
Ну, а дальше, омытая синью,
Нежнозвучна, библейски чиста,
Во все стороны света — Россия,
От сосны до звезды — высота!

Ким БАЛКОВ

*Поздравляем нашего давнего друга
и постоянного автора журнала с 75-летием!*